

ствие всей комедии и создается благодаря сну, состоянию одурманивания (своего рода опьянению), и в этом сне происходит создание пьесы, но и у Пастернака все рождение творчества, как мы показали, происходит во сне или как во сне, и более того, мотив опьянения четко прослеживается в четвертом и пятом текстах (а возможно, в поисках «походной фляги» в третьем). Помимо этого, у Ницше большое место отведено объяснению того, как в момент творчества пишущий теряет свое «я» — уподобляясь, с одной стороны, божеству, с другой стороны, материалу, из которого это божество творит, и к этой философской идее может подталкивать парадоксальность, возникающая в четвертом стихотворении Пастернака, где впервые появляющийся автор представляется каплей на перо у Творца. Но наверное, к одной из самых близких Пастернаку идей, изложенных Ницше, можно отнести суждение о том, что музыка является первоначальной, именно из нее рождается творчество.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-157-160

АЛЕКСАНДР ИЛЬМЕНЕВ (А. М. РЕМИЗОВ)

НА РАСПУТЬЕ

(ПУБЛИКАЦИЯ © А. М. ГРАЧЕВОЙ)

В 1994 году автор настоящей публикации была приглашена проф. Стэнли Рабиновичем, тогдашним директором Amherst Center for Russian Culture, для участия в предварительном разборе художественных материалов, входящих в состав обширного архива Алексея Михайловича Ремизова и его супруги — Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло (Alexej Remizov and Serafima Dovgello-Remizov papers). Среди этой части архива значительное место занимают творческие рукописи, связанные с многолетней работой писателя над частями романа-эпопеи «В розовом блеске» («Оля»),¹ основанного на канве жизни Серафимы Павловны (далее — С. П.) — от ее детства до смерти. Центральный источник художественного повествования о судьбе главной героини Оли Ильменевоы (ее прототипом была С. П.) — краткие рукописные заметки-воспоминания, которые С. П. стала неперидически писать по просьбе Ремизова с 1905 года. Первые из этих записей касались периода ее учебы на Бестужевских курсах и участия в революционном движении. С 1909 года Ремизов начал создавать рассказы, сюжетно восходящие к мемуарным записям С. П. Но большая часть этих произведений опубликована позднее.² В 1920-е годы ряд рассказов был переработан и включен в состав книги «В поле блакитном» (Берлин: Огоньки, 1922). С ее появления началась многолетняя история формирования эпопеи о судьбе Ольги Ильменевоы.

Рукопись рассказа «На распутье» представляет собой недатированный беловой автограф, под текстом подписанный псевдонимом «Александр Ильменев». Имя героини прозы Ремизова «Оля Ильменевоа» впервые появилось в 1914 году в рассказе «Бочоночек».³ В 1917 году писатель опубликовал рассказ «Ошибки», используя

¹ Часть этого романа-эпопеи — повесть «Оля» — была опубликована в 1927 году (Париж: Вол, 1927). Совпадение названия итогового произведения Ремизова начала 1950-х годов и повести 1927 года привело к тому, что по указанию «Издательства имени Чехова» писатель был вынужден изменить первоначальное заглавие эпопеи («Оля») на новое: «В розовом блеске» (опубл.: Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1952). Подробнее об этом см.: Грачева А. М., Обатнина Е. Р. <Текстологическая преамбула к роману «В розовом блеске»> // Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2019. Т. 15. В розовом блеске. С. 719–734.

² См.: Грачева А. М., Обатнина Е. Р. <Текстологическая преамбула к роману «В розовом блеске»>. С. 712.

³ Ежемесячный журнал. 1914. № 1. С. 41–42.

псевдоним «Ольга Ильменева».⁴ В 1936 году Ремизов вновь с той же целью обратился к фамилии главной героини своей эпопеи, напечатав под псевдонимом «Василий Ильменев» рассказ «Толковый словарь».⁵ Псевдоним «Александр Ильменев» использован только один раз — в рукописи «На распутье».

Источниками этого произведения являются тексты ранних мемуарных записей С. П.⁶ Герой рассказа «На распутье» — революционно настроенный студент Владимир, находящийся в доме предварительного заключения. В центре произведения — повествование об идейном переломе в мировоззрении молодого человека, переходящего от религиозного безразличия и одержимости насильственным переустройством земного несправедливо устроенного мира к пониманию главенства христианских ценностей и к осознанию неизбежности своего дальнейшего отхода от пути революционера: «А когда вышел на волю, увидел своих бывших товарищей, рассказывал, расспрашивал, и понял одно несомненное, что жаль ему своей тюрьмы, потому что не знает теперь, как жить дальше, понял, как далеки все от него стали, все, забывшие или совсем не знавшие того, что он в тюрьме вспомнил. Мучился долго Владимир, и не было ему ниоткуда ответа, что дальше делать? <...> А знал он одно, по-прежнему он не может жить, потому что сам уж не прежний».

По тексту белой автографа рассказа проведена черновая правка. Автором было начато и брошено исправление текста о студенте Владимире на повествование о курсистке Оле. Кроме замены имени героя, частично откорректированы глагольные окончания и формы местоимений. В целом правка носит крайне небрежный характер. Это свидетельствует об изменении первоначального замысла писателя целиком использовать исходный текст для новых художественных задач, формально изменив, но оставив в неприкосновенности его идейно-художественную концепцию. Вероятно, в процессе работы над рукописью Ремизов пришел к выводу, что концепция «На распутье» не соответствовала образу Оли Ильменевой, уже в ранних рассказах о ней предстающей глубоко религиозной девочкой, а затем девушкой, сохранившей страстную веру в Бога, но не отступавшей от своих революционных убеждений. В итоге лишь незначительная часть текста рассказа (эпизоды езды на извозчике с жандармами и рассуждения героини о небе и звездах) в значительно переработанном виде вошла в состав впервые опубликованной в 1925 году главы «Под стук»⁷ раздела «С огненной пастью», который был включен в повесть «Оля», впоследствии ставшую частью романа-эпопеи «В розовом блеске».⁸

По характеру почерка и типу бумаги белой автограф можно с определенной долей вероятности датировать второй половиной 1910-х годов. Правка относится к 1920-м годам (крайняя дата — 1925 год).

В итоге обработки и описания архива Ремизовых рукописей рассказа «На распутье» осталась в составе черновиков и вариантов материалов, связанных с работой писателя над повестью 1927 года «Оля». В окончательной архивной описи «Alexej Remizov and Serafima Dovgello-Remizov papers» белой автограф рассказа «На перепутье» не является отдельной единицей хранения. В настоящее время он находится в комплексе творческих материалов повести «Оля» (Several draft versions of «Olia». 1923 // Amherst Center for Russian Culture. Alexej Remizov and Serafima Dovgello-Remizov papers. Box 16. F. 9a; Several draft versions of «Olia». 1920s. // Ibid. Box 16. F. 9b).

⁴ Россия в слове. 1917. 24 дек. № 3. С. [1].

⁵ *Василий Ильменев* [Ремизов А. М.]. Толковый словарь // Новая Россия (Париж). 1936. 20 дек. № 18. С. 15. Об истории этой публикации см.: *Василий Ильменев* [Ремизов А. М.]. «Толковый словарь» / <Вступ. заметка и публ. А. М. Грачевой> // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 3. С. 379–391.

⁶ *Ремизова-Довгелло С. П.* 1) «Какие враги были у русского правительства?» <Воспоминания о партии социалистов-революционеров, обстоятельствах тюремного заключения и ссылке>. 1905 год // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1034; 2) «Как это произошло?» <Воспоминания о тюремном заключении и подруге Наташе>. 1905 год // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1035; 3) «Петербург». <Воспоминания о годах учебы на курсах>. 1905 год // ГЛМ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 1037.

⁷ Первая публикация главы «Под стук»: Воля России (Прага). 1925. № 1. С. 28–53.

⁸ *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 15. С. 344, 358–359.

Приношу благодарность Дирекции Amherst Center for Russian Culture и лично профессору Стэнли Рабиновичу за разрешение на публикацию автографа рассказа А. М. Ремизова «На распутье».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Александр Ильменев [А. М. Ремизов]

На распутье

Когда Владимира везли два жандарма на извозчике, было утро. По дороге встречались гимназисты, студенты, и все особенно на него смотрели, — все знали, что везут в тюрьму.

А он сидел усталый и об одном думал:

«Хоть бы скорее привезли и дали отдых!»

Целую ночь обыск, — утомило, да и последние два месяца напряженной работы: не было минуты свободной, минуты для себя. А так давно надо ему что-то додумать, что-то решить. Время уходило куда-то в прорву, с утра начиналась беготня, езда на извозчиках по «делам», и не просто надо было ходить и ездить, а осматриваясь, чтобы вывернуться от шпиона. Так с утра до поздней ночи и бегал.

Теперь отдых — тюрьма.

Помещенный в отведенную камеру, Владимир повалился на койку и заснул.

А когда проснулся, обрадовался, что времени так много и все для себя.

Из-за чего привезли его в тюрьму? — Из-за того, что было целью его жизни; он всегда знал, что будет тюрьма в конце этого «светлого и радостного пути». Сам себе избрал дорогу, сам сейчас <?> и ответчик.

«Тюрьма, — рассуждал сам с собой Владимир, — тюрьма — не несчастье, тюрьма — неприятность, надо вынести эту неприятность и тогда еще светлее и радостнее будет тот начатый путь».

Так думалось в первый день заключения. А потом решетка на окне и глазок в двери, и вечные подсматривания навевали мечты о воле; и представилась эта воля такой широкой и глубокой, такой дорогой и обещающей, что тяжелы стали тюремные стены. И стал он жизнь свою вспоминать, и стал и жизнь свою, и себя судить.

Вот люди все от него отняли, — отняли слова, отняли звуки, краски, все то, что есть жизнь, и за то отняли, что не мог стать рабом, не мог подчиниться, хотел себя за чужую волю отдать.

А Мерлов опять на воле! Да, этот человек купил себе волю тем, что других надолго лишил ее: все и про всех рассказал.

Раскрылась дверь. Повели Владимира на прогулку.

На тюремном дворе снег лежал, стояла недоделанная снежная баба, ее Владимир несколько дней делает и не может окончить, — коротки прогулки.

Стал доделывать бабу и вдруг взглянул вверх — на небо! Кусочек неба и несколько звезд.

«Вот чего от меня не отняли — подумал Владимир, — неба не отняли, и никто не властен отнять, а вот от Мерлова отняли, сам он от себя отнял. Для предателей нет неба».

Радостно вернулся Владимир в камеру, а бабы так и не доделал.

И теперь все вспоминалось ему небо и несколько звезд. Но чем оно так поразило его?

Да, вспомнил, он видел это небо давно-давно, еще в детстве: так же снег лежал, так же баба стояла снежная, а он с отцом шел в церковь к вечерне, так же смотрели звезды на него и тогда как теперь.

«Да, да, оно вечное, его люди не могут отнять, только сам человек может его уничтожить».

И ясно понял: тюрьма — не несчастье, а несчастье, когда неба не будет!

И заснул Владимир спокойным сном, и увидел во сне, как склонился над ним его лучший друг, его любимый друг, и в глазах его было столько любви, — смотреть больно. Точно и он, его лучший друг, говорил ему о небе и о том единственном, что страшно потерять.

С этого дня Владимир стал молиться. Он молился украдкой, боясь, как кто из товарищей или надзиратели не догадались, что он молится. Молился он бессвязно своими словами, и то благодарил Бога, то просил, то ликовал.

* * *

Вспоминал Владимир всю свою жизнь, и хотел отчет дать себе в том, как это началось, как решил раз навсегда, так казалось, отдать себя революционному делу. Вспоминает, как был он маленький, и как время от времени что-то саднило, будто душа болела, потом веселые гимназические годы, годы без дум и тревог, потом он в университете. В первый день, как пришел он в университет, была сходка: решали забастовку. Было и весело, и жутко, и чувствовал он себя так, будто участвует в чем-то важном и огромном. Многих студентов выслали, это грустью пало на душу. А потом кружки самообразования, вечеринки, рефераты, споры. Сразу потянуло к с-р, потому что они шире, глубже, значительнее, так думал. Читал все нелегальное, что попадалось. Помнит, как после лекции по русской истории, на которой профессор читал о царствовании Петра, он позвал в укромный уголок своего ближайшего товарища Мерлова, и волнующимся голосом стал просить его дать друг другу клятву, что оба они жизнь свою отдадут за то, чтобы правда пришла на землю. Мерлов поклялся. И с этого дня Владимир и Мерлов стали искать связей с партией, связи скоро были завязаны, они работали с жаром и у обоих была одна мысль: как можно дольше продержаться и как можно сильнее потом попасться. Иногда бывало так, будто что-то подумать, что-то проверить надо, но времени не было. А теперь хоть целые сутки думай.

«Но что же было такого, от чего сердце сжимается?»

Владимир вспомнил:

«Он неба не видел, весело и хорошо было и без неба, его, самое главное, забыл, на земле весь был, не только небо не помнил, но и на могилу к своей сестре не ходил с того самого дня, как клятву дал».

Как же это так вышло?

И опять вспоминал Владимир все сначала и не мог понять, почему дело такое святое, — всегда, бывало, называл себе в душе так свое дело, — заставило забыть, стерло то, что одно тебя никогда не покинет, значит, оно одно и есть правда не людская.

В таких думах провел Владимир все четырнадцать месяцев своего заключения, и уж не стала для него тюрьма неприятностью, она ведь ему опять открыла позабытое.

* * *

По обыкновению Владимир встал в семь и до десяти убирался, хотел было сесть заниматься, как вдруг открылась дверь, вошел надзиратель с известием:

— Вас освобождают!

Встрепенулся, обрадовался. Сердце сильно стучало. А когда вышел на волю, увидел своих бывших товарищей, рассказывал, расспрашивал, и понял одно несомненное, что жаль ему своей тюрьмы, потому что не знает теперь, как жить дальше, понял, как далеки все от него стали, все, забывшие или совсем не знавшие того, что он в тюрьме вспомнил.

Мучился долго Владимир, и не было ему ниоткуда ответа, что дальше делать? И небо спрашивал он, и оно молчало. А знал он одно, по-прежнему он не может жить, потому что сам уж не прежний.

«Но как же, как?»

Успокоился Владимир на том, что будет ждать приговора, а там уж и решит.

«Надо же успокоиться».